

Юрий Михайлик

ПАЛМЫ И РЯБИНЫ

•

Не первые мы, не вторые
Кто звал эту землю своей.
В курганных степях Киммерии
Могила бессмертных царей.
Знакомая черная стая
Снижается над головой,
Тяжелые крылья пластая
Над крашеной красным травой.
И топот табунный, чугунный
И поле от пыли темно...
А готы идут или гунны —
Убитым не все ли равно?

•

Летний сон. Полночная прохлада.
Мягкий звук — во сне иль наяву?
Ты не бойся, — там, во мраке сада,
абрикосы падают в траву.

Тихий отдаленный ритм прибоя
медленно качается вдали,
словно предназначен нам с тобою
краткий промельк жизни и любви.

Зыбкими мерцающими снами
мир и сад качаются в стекле.
Ты не бойся — это было с нами.
Может, только с нами на земле.

Ничего другого мне не надо,
пусть приснятся, если доживу, —
сонный сад, июль, во мраке сада
абрикосы падают в траву.

Млечный Путь. И в поисках ночлега
век из века тащится телега.
Притяжение и отторженье —
лучший способ для передвиженья.
По обломкам рухнувших империй,
через гравий вер и суеверий
колеса дробящее движенье —
притяжение и отторженье.
Это было болью и любовью,
нашей стариной и нашей новью
на камнях Египта или Рима...
Все уже без нас. Отдельно. Мимо.
Ибо нам разрешено судьбою
только то, что можно взять с собою,
и от Вавилона до Гранады
виноватых нам искать не надо.
Граждане цыганские евреи,
мы играли в этой лотерее,
мы галдели в этом балагане,
граждане еврейские цыгане.
Странники, изгнанники, бродяги —
ямы, рвы, канавы и овраги...
И повсюду нам принадлежали
только те, кто в этих рвах лежали...
По золе Варшавы, сквозь руины,

через смрадный морок Украины,
только то, что можно взять с собою...
Что там — кроме памяти и боли,
что там — кроме нежности и муки —
в узелковых письменах разлуки?
Притяжение и отторжение —
мировая формула движенья.
Плыло болью, остывало былью,
звездной солью и подзвездной пылью.
Альтаир, Арктур, Капелла, Вега —
век из века в поисках ночлега.
Грозный гул, кибитка кочевая...
...Блеск костра меж звезд опознавая...

Ночь не спросит. Утро не ответит.
Ветер провожал нас — ветер встретит.
Жемчуг мелок. Да и супчик редок.
Улыбнись подруге напоследок.

Улыбнись подруге, ей досталась
кочевая поздняя усталость.
С моря тянет ветром незнакомым.
Ветер пахнет дымом, а не домом.

Словно от привала до привала
нам судьба колоду тасовала.
Там в колоде обещаний много,
а сбылась лишь дальняя дорога.

Поклонись дороге — ты свободен.
Нет на свете ни одной из родин.
А уж от чужбины до чужбины
что тебе все пальмы и рябины...

Спи, любимая, так хороша
долгожданная наша свобода,
неспроста на гудок теплохода
откликалась печалью душа.

Спи, любимая, так коротка,
так спокойна заря над волнами,
и не ветер проходит над нами —
только нежность несет облака.

Открывается берег вдаль,
а над ним высоко, как в мираже,
эти старые горы на страже
засыпающей бедной земли.

Спи, родная, за эти года
всё, что было и мной, и тобою
стало просто одною судьбою,
неразъемной уже навсегда.

Спи, родная, в полночную тьму
погружается берег прекрасный.
То, чему эти горы подвластны,
неподвластно уже ничему.

КАРОЛИНА СОБАНСКАЯ

Красавица, лошадка, волчья сыть,
перенесла, как Польша, три раздела,
и как сама при этом не згинела —
нет Лотмана, и некого спросить.

В те вольные крамольные года
собой дарила — как благодарила,
а что она действительно любила?
Стихи? О, нет. Поэтов. Иногда.

Гордячка, умница, и горе по уму,
она еще припомнит в день печали —
кому б они стихов ни посвящали,
ей — лучшие. Такие — никому.

Два гения ревнивых языков,
они шалели, а она шутила.
Но ею вдохновленных строк хватило
для двух народов и для двух веков.

Измученные нежностью моря
на опустелый берег строки сложат —
... я вас любил. Любовь еще, быть может... —
но — жизнь, но — страсть, но — гибель — все не зря.

Стихами задыхались соловьи,
стихами водопады голосили,
и девушки — кто в Польше, кто в России —
беспрекословно гибли от любви.

●

На Платоновском молу варят черную смолу,
ветер сбрасывает в море золоченую золу.
Солнце, адская жара, жар небес и жар костра,
обожженными бортами ждут шпаклевки катера.
Ты кипи, смола, кипи, ты терпи, котел, терпи,
ты, матросик полуголый, пошевеливай — не спи.
На молу лежит вельбот, переломан левый борт,
ни на что уже не годен, на дрова теперь пойдет.
Жил ты, плавал, путь один — алый пламень, черный дым...

От золы веселый дьявол стал седым, совсем седым.
Черный дым столбом стоит, чайка черная парит,
Там другой котел на небе адским пламенем горит.
Два огня и два котла, и кипит, кипит смола,
облака летят по небу золотые как зола.

